

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Людмила
БЕЛЯКОВА

СЕЗОН ЛЮБВИ

Людмила Белякова

Сезон любви

«Центрполиграф»

2010

Белякова Л. И.

Сезон любви / Л. И. Белякова — «Центрполиграф», 2010

Олимпиада Зимина была успешна и могла написать статью на любую тему, рекламный слоган, аннотацию – что угодно, но грянул кризис. Ее сократили, а деньги за работу не заплатили. Девушка решила бороться с несправедливостью и нищетой. Однажды она нашла на сиденье в метро отрывной календарь, который помог ей не попасть в сети фальшивых рекрутинговых агентств и подсказал, как пережить кризис. Неугомонная журналистка не очень преуспела в бизнесе, но пристроила несколько своих товарок на хорошую работу, а когда сама поймала удачу за хвост, оказалось, что волшебный календарик исчез.

© Белякова Л. И., 2010

© Центрполиграф, 2010

Людмила Игоревна Белякова

Сезон любви

Роман

Всем людям, животным, событиям и предметам, вольно или невольно давшим материал для этого романа, с благодарностью его и посвящаю.

«Понятно, чего эту контору запендюрили аж на самую окраину – чтоб обманутые граждане туда не таскались и не мешали чинушам пить чай и сплетничать», – думала Липа, отчаянно злая, трясаясь в метро.

Народу в вагонах было непривычно мало, грохот был как-то особенно надоедлив, а хмурые лица недовольных окончанием рождественских каникул пассажиров казались особенно мрачными. Хотя когда они были слишком уж радостными?

В комиссию по труду, через СМИ нежно и вкрадчиво обещавшую всем страждущим понимание и защиту, Липа отправилась сразу после новогодних праздников. Или почти сразу. В первый рабочий понедельник ехать не хотелось – потому что он понедельник по определению. Во вторник тоже не с руки – тринадцатое число. В среду там был неприятный день. Так что четверг, пятнадцатое число – во, в самый раз!

Снаружи моросил ласковый, теплый январский дождик. Уродливое, с грязными окнами офисное здание напоминало... Да ничего оно не напоминало – ну просто ничего!.. Архитектурный урод, эстетический недоносок и хилый последыш конструктивизма.

В лифте и в коридорах удивительно чистые полы, заметила Липа. Здесь явно не пролежала торная дорога обиженных работодателями россиян. Если бы не заплыванная серой грязью вывеска на фасаде, Липа решила бы, что вообще не туда пришла. А может, это только ей одной на всю Россию не повезло с деловыми партнерами? Или она пришла слишком рано?

В по-хрущобски узеньких коридорчиках было томительно малоллюдно. И не просто малоллюдно – там вообще никого не было. На одинаковых, в равной степени плотно закрытых дверях, как правило, отсутствовали номера, и надо было пройти каждый коридор от начала до конца, чтобы убедиться, что нужный офис, где поймут, пожалеют и предложат на выбор несколько вариантов мести, один страшней другого, расположен не здесь.

«Не поездка, а бессистемный бред с острой потерей всяческих ориентиров – погодных, архитектурных и нравственных. Да, славно год начинается, ничего не скажешь... А ведь этот высокосный переросток уж две недели как закончился!»

Липа решила подняться на самый верхний этаж и брать комиссию хищнически – загоним, спускаясь с этажа на этаж. Поднималась Липа в крошечной, узковатой в бедрах кабинке вместе с какой-то дамой и вкрадчиво, ласково, по-осеннему шуршавшим похоронным венком. Дама держала венок чуть брезгливо, на отлете. На черной ленте виднелась надпись серебряной краской «...ову от сотру...».

«Кто-то не пережил каникул, – подумала Липа. – Как я его понимаю!»

Так хотелось поскорее начать действовать, а тут этот бизнес-ступор...

Комиссия-заступница обнаружилась на восьмом этаже.

– А мы этого не делаем! – радостно сообщила Липе толстая девица за оградкой, напоминавшей барную стойку, только повыше.

Девица, откровенно упиваясь опрокинутым видом посетительницы, даже не пыталась скрыть своего торжества, напротив, явно ожидала следующей просьбы, чтобы тоже лихо ее отклонить. Так и не услышав встречного вопроса, девица добавила:

– А еще мы не ксерим, не распечатываем, не...

– А что вы все-таки делаете? – осведомилась Липа, чуть придя в себя от напора барменши.

– Ну... так, – враз померкла девица, заметно огорченная невозможностью тут же отказать очередной зануде.

– А «нутак» – это что? – оживилась Липа. – И каким образом его можно получить? Чтоб хоть не зря ездить.

– Это вы уже хамите, женщина.

– А вы мое заявление возьмите, я и перестану. Сразу же!

Липа уже поняла, что дискету с заявлением на директора-прохиндея всучить с первого раза не удастся, и решила хотя бы развлечься. Но она нарвалась на профессионала...

– Тут уже приходил один, до вас... С флешкой, представляете?! Ага! – радостно упредила ее удар девица за стойкой.

«Один? Ага, еще кого-то где-то кинули... Не я все-таки одна... Хоть не обидно».

– И вы его тоже благополучно отфутболили, да? Опыт позволяет?

– Женщина, чего вы хотите?

– Подать заявление на своего работодателя – я же вам сказала.

– Так вы садитесь, пишите! – настойчиво, как отпетой дебилке, повторила девица.

– Все уже написано – вот! – Липа опять попыталась впихнуть девице в руки дискету.

– Нет, ну женщина... Вы вот взгляните – у вас там все есть? Адреса, телефоны?

«Явки, пароли, машинки «Энигма»...»

– Все у меня есть! Названия, все фио, тел и имейл на месте... Вы только распечатайте, и дело с концом.

Толстая девица кусала губы, лихорадочно соображая, какую гадость сказать.

«Неужели возьмет?!» – болезненно сжалось сердце у Липы в груди.

– Нет! – взвизгнула барменша так, что парень, игравший в какую-то стрелялку за компьютером в углу комнаты, вздрогнул и испуганно обернулся. – Мы этого не делаем! Не делаем!

Девицу уже откровенно трясло от реальной перспективы получить хоть какую-то работу и ответить за этот вопиющий проступок перед коллегами. И она нашла выход.

– Нет, вы это все проверьте еще раз и принесите в распечатанном виде... – девица напряглась, наморщив низенький лобик, – на той неделе! И чтоб оригиналы и копии всех документов!

– Я уже все принесла, – сказала Липа и деловито полезла в сумку, где у нее лежали договоры.

У барменши от отчаяния задрожали губы, из них начали извергаться некие звуки, похожие на предвестники рыданий. Парень за компьютером снова оглянулся – поединок между Липой и девицей становился явно занимательнее «стрелялки».

«Мортал офис комбат» – новейшая разработка ведущих программистов и дизайнеров!»

– У меня все с собой! – пробормотала Липа, роясь в сумке.

– Не надо, не надо! Я все равно смотреть не буду! – попятилась от прилавка барменша. – Не буду!!!

Парень уже развернулся от дисплея, готовясь ринуться на помощь безнадежно терявшей очки коллеге.

– Значит, не возьмете?

– Нет, нет! – глотая слезы, тихо стонала барменша.

– Это почему же?

– Вы от руки напишите... Я же сказала – все нам напишите...

– А может, зубилом на камне выбить? Как?

– Слушайте, женщина, – наконец встал из-за компьютера парень. – У нас обеденный перерыв... И вообще!..

– Что – так и не взяли?! – искренне удивилась дорогая подруга Кузя, наливая Липе чаю. Ну да – чай с Липой, как однажды они назвали свои встречи у Кузи на кухне.

Кузя давно не работала и сидела дома, оформив себе пособие по уходу за отцом-инвалидом, кроме того, Кузя была потомственной общественницей, очень любила выбивать льготы и привилегии – себе, другим и просто из принципа. Поэтому этот новый вид Липиной деятельности был ей особенно духовно близок.

– Не-а, – помотала головой Липа. – Не взяли, сволочи. Наверное, у этой комиссии по защите работодателей от работников сдельно-премиальная система оплаты труда обратного действия.

– Это как? – не поняла Кузя.

– Чем меньше работы наберешь, тем больше премия. Или они в экономическом заговоре с жуликами и против обманутых трудяг.

– Да, наверное... Похоже. А что ты теперь делать собираешься?

– Ну, распечатаю где-нибудь, запакую в конверт и отошлю заказным. У меня же еще заявление в прокуратуру есть. Не мытьем, так катаньем достану этого придурка.

– Ага. А этот твой директор-редактор – он сколько тебе должен остался?

– Да почти шестьдесят тысяч. За полгода он мне двадцатку аванса отстегнул – так, чтобы я работать не бросила... А сейчас у него и этого нет.

– Ты не боишься, ну, все эти дела против него затевать? Он тебе кислород не перекроет? В какой-нибудь черный список не занесет?

– Руки коротки! То, что он придурок и за него все решает его шмара, общеизвестный факт! Кроме того, я давно и прочно в «белом» списке.

Кузя, тонко переживавшая перипетии журналистской карьеры подруги, с сомнением покачала рыжей головой.

– Не бойся, Кузик. В крайнем случае, возьму псевдоним – например, Кристина Козликовская. Или твоим именем подпишусь. Разрешить?

– Да я-то что, бери... Лишь бы тебе было хорошо. И пусть бы я тоже писательницей числилась, а?!

Кузя всю жизнь была экономистом-бухгалтером, хорошим, но мало понимавшим в буквах и словах, так что они обе от души посмеялись.

– А это, твой дудактор, – продолжила основную тему Кузя, вставшая, чтобы «подшуметь» задремавший чайник, – он какого возраста?

– Такого, когда волос все меньше, а пуза все больше. МК!

– А это... что? – нахмурилась Кузя, не понявшая тонкого юмора, но подозревавшая, что речь не о возрасте «Московского комсомольца».

– В данной конкретной ситуации МК – это мужской климакс, существование которого наконец, но чрезвычайно неохотно, признали ученые мужи.

– Почему ты так решила? – опять смутилась Кузя, зная, что Липа не спит с издателями и редакторами из принципа, из-за чего, собственно, пробуксовывала ее карьера.

– Если мужика круто ведет писать на философские темы, значит, у него с сексом большие проблемы... Во, надо себе пометить – потом рифму поровнее сделаю и вставлю куда-нибудь. Хоть какая-то с этого прохиндея польза! Запишу...

Липа отвлеклась от чая и полезла в сумку за рабочим блокнотиком. В это время в кухню, поставив милицейским жезлом полосатый хвост, вошел Кузин кирпично-рыжий кот Тихон. В молодости он был красавцем, позировавшим для фотокалендаря, а сейчас растолстел, сделался брюзглив и не по делу шипуч, царапуч и кусач. В зубах Тихон держал один из фетишей, которые собственноручно изготавливал ему Кузин папа.

Тишка демонстративно положил на пол нечто похожее на большую крысу из свалывшегося искусственного меха и зачем-то, будто живую, придерживая зубами, принялся ее топтать.

– Тишенька, не надо этого делать, – ласково сказала Кузя. – Липа – большая девочка. Она сама понимает, что у тебя нет МК.

– Ага, это на него март наступил.

– У Тишки март не кончается ни-ког-да! Да, Тиш?... А про что конкретно этот твой прохиндей пишет?

– Про что все прохиндеи пишут? Про то, что не делают сами, – что надо жить хорошо и честно, потому что жить хорошо и честно – это честно и хорошо. А жить нечестно и плохо – это плохо и нечестно.

– С этим трудно поспорить, – пожала плечами Кузя, выпроваживая из кухни плюющего, как перекипевший чайник, кота.

– На то и расчет. Он печатает эти свои измышлизмы в газетках типа «Голос межпланетного унитразума» и подписывает «Доктор Э. В. Рест» – пусть все думают, будто это цитата из иностранной прессы... Пфы! – фыркнула Липа, тоже как кошка. – Я-то этого события не застала, но девчонки-верстальщицы рассказывали, что он как-то разложил газетки с этими своими изысками по всему офису – думал, что народ накинется, чуть ли не в обед вслух читать будет, обсуждать, а потом по домам растащит – детям на ночь вместо сказочки... Ага! А они в корзинках для бумаг оказались! Все до одной! Только что вместо туалетной бумаги в сортире не повесили... Так он от злости нарочно в пятницу зарплату народу не дал – задержал до вторника... Представляешь? Они все только потом догадались.

– Значит, он природный гад, – вздохнула Кузя. – Просто гад.

– Хуже, – ответно вздохнула Липа. – Он придурок с образованием. И ужасно мнительный. Он даже на визитках ударение на фамилии поставил.

– Зачем? – довольно равнодушно спросила Кузя, надевая резиновые перчатки и становясь похожа на патологоанатома из сериала «Си-эс-ай».

– Чтоб не коверкали. А то он прямо из себя выходил – по редакции бегал, руками махал – я не Покбйницкий, я – По-кой-ницкий! А вообще его любимое занятие – говорить гадости одним людям о других. Послушать, как он о своих редакторах отзывался! – Липа безнадежно махнула рукой.

– А что – они плохие?

– Да неважные, если честно. Я сама ему показывала – с какой это такой радости-не вероятности Стефан Цвейг у вас американским писателем сделался? Он в Штатах даже не был ни разу.

– А он чего?

– Ничего. Сделал вид, что не слышал. А что здесь скажешь?

– Тогда понятно, откуда все... Пойдем в комнату, а? Папа с тобой пообщаться хочет. Он потом целую неделю хорошо себя чувствует. Я это четко отмечаю.

– Пошли. Я с хорошими людьми общаться не против.

«Хорошо, что хоть на подружку можно ориентироваться... А то вовсе уйдешь в себя и не вернешься».

«Да, если МК, которая в данном случае означает «материальная катастрофа» еще не наступила, то она наступит в ближайшие месяц-два. С Покойницкого деньги так скоро не слупишь, и даже не потому, что он ни за что не простит мне ухода неявочным порядком, но потому, что у него их просто нет и в ближайший год не будет».

Липа, получив 30 декабря последний куций гонорар високосного года, демонстративно не осталась на по-кризисному жалковатую редакционную вечеринку, даже не стала объясняться с Покойницким. Завлитотделом робко прошептала у нее над ухом, что главред не против «побеседовать... недолго», получила в ответ змеино-шипливое «Мне ему сказать нечего», настаивать не решилась и сразу же куда-то исчезла.

На редакционном компьютере осталась чертова прорва Липиных материалов – то, что надо было бы остаться на тот дурацкий корпоратив и втихаря, когда все напьются, стереть их, она сообразила уже после, обдумывая страшную месть обманщику, но...

«Теперь внаглую украдет мои идеи и материалы, вставит их в какую-нибудь свою книжонку, рассует мои стишки по другим рекламным газетенкам, точно... Високосный год закончился, но не прекратился. День прибавился, но не удлинился... Одно хорошо – на улице мерзко, но хоть не скользко», – размышляла Липа, плетясь впотымах от Кузи до метро.

Выдумывать слоганы и рифмовочки вошло в привычку, но пригодится ли этот навык в дальнейшем?... А если пригодится, то когда?!

Пассажиropоток так и не восстановился, и можно было сесть. Присидев в невеселых раздумьях некоторое время, Липа ощутила у себя под основным своим рабочим писательским инструментом некое инородное тело, даже через пальто впивавшееся в ее творческое естество острым зубом недовольства собой и этим миром. Улучив момент, когда большая часть спутников была занята выходом из вагона, а охотники за свободными местами еще в вагон не ринулись, она привстала, пошарила под собой и изловила этот предмет.

Это был всего-навсего перекидной календарь, или, как называли такую вещицу в народе, численник. У него были оторваны первые листочки – вплоть до сегодняшнего дня, 15 января.

«Возьму – хоть буду знать, на сколько день прибавился, – подумала Липа. – Не искать же растеряху-владельца через газету, в самом деле?... И что там пишут-то?»

На обратной стороне рыхлого, желтоватого листка была статеечка *«На чем нельзя экономить даже в кризис»*.

«А хорошая вещь-то! Это я удачно села!.. Надо же – кто-то подсуетился сварганить антикризисный календарь... Мне б к тому умнику на работу пристроиться», – подумала Липа и углубилась в чтение.

«На еде. Сэкономив на качестве и количестве еды сейчас, потом разоритесь на лечении», – глубокомысленно заявил календарь.

«Ну, это-то ясно... Кроме того, я на еде экономить не умела никогда... Этот совет мне мимо кассы».

«Закупать продукты надо на сытый желудок и по заранее составленному списку – тогда не купите лишнего, не очень нужного, что может испортиться. Однако, чтобы опередить рост цен, купите в запас продукты, которые могут лежать несколько месяцев – крупу, соль...»

«...Еще керосин и спички. Хороший совет. В крайнем случае, редакцию или комиссию эту подожгу – если государство не поможет».

«На образовании, своем и детей. Не выученное сейчас потом, вероятнее всего, не усвоится никогда».

«Тоже по делу, но тоже мимо меня. Своего образования достаточно, а детей нет и уже вряд ли появятся», – продолжила Липа виртуальную дискуссию с находкой.

«На одежде. Но, формируя новый гардероб, не увлекайтесь дешевыми антикризисными распродажами. Большие скидки и непривычно низкие цены могут вскружить голову, и вы купите кучу ненужных вещей. Перед походом на шопинг просмотрите свой гардероб – наверняка там есть почти все, что нужно».

«Ну, на кучу ненужных вещей у меня точно денсредств нету, – перевернула Липа листочек, – а пересмотреть – это можно. Тем более ползимы мы зажевали, и надо строить планы на весну».

«Не копите долги по квартплате и услугам! – стenal, заламывая руки, календарь. – Коммунальщики и судебные приставы не дремлют! А в кризисные времена они действуют жестче обычного – от лишения услуг до выселения. То же касается и выплат по кредитам».

«Так, – Липа, заерзала, готовясь на выход, – самое противное под конец оставил, да?!»

Календарик невзначай, но метко наступил на любимую мозоль Липы – квартплату. Она гордилась своей трехкомнатной квартирой, доставшейся от родителей, но вот уж правда – нет вещей абсолютно хороших! Заплатив в последний банковский день за квартиру из дистрофичного «покойницкого» гонорара, она осталась с весьма незначительной суммой наличных. Кредитка тоже карман не оттягивала. А если принять в расчет еще и повысившиеся тарифы... Тут уж невольно позавидуешь Кузе, которая проживала в тесной двушке с отцом и братом-холостяком.

«И вообще, – сообщил напоследок календарь глубокомысленно, – столкнувшись с проблемой, не бросайтесь сразу с ней бороться. Подумайте вначале, что из нее можно сделать».

– Это как? – спросила Липа, кажется, вслух.

«Например, если нет денег на деликатесы и сласти, сядьте на диету и подкорректируйте вес».

Но тут ей надо было выходить. Липа бросила календарь в пакет с компроматом на Покойницкого и выскользнула через уже многозначительно зашипевшие двери.

«Да, вес, вес... Вес есть. Вполне докризисный».

Дорогая подруга Кузя всегда кормила Липу как на убой, да еще пыталась всунуть ей что-то на вынос, из-за чего прощание в тесной прихожей превращалось в средней интенсивности рукопашную схватку. Зимой Липе удавалось отговариваться от Кузиной подкормки хронически, с октября еще, не включенным холодильником – она хранила продукты в уютной кладовочке под окном кухни. Бесплатный, но мягкий уличный холод не позволял держать там крутую заморозку вроде пельменей, но «мягкое» молоко выживало дня три-четыре, так что экономия на принудительном прослушивании дурдыканья холодильника накапливалась значительная. К Липе даже как-то приходили с проверкой счетчика на предмет выявления «жучка» – ее счета на электроэнергию показались мосэнерговцам подозрительно маленькими. Липа охотно объяснила причину недопотребления киловатт, неудачно сострила насчет домашних плантаций конопли, из-за которых у соседей по дому, возможно, такие большие счета за свет, и проводила дезинсекторов с миром.

«Вот на чем экономить, наверное, можно – на электричестве! – радостно догадалась она, раздеваясь в прихожей, которую при желании можно было назвать небольшим холлом. – Интересно, а в календаре что-нибудь об этом написано? Посмотрю утром... Ага, при дневном свете – чтобы искусственный не переводить».

Похоже, мозги круто свернули на антикризисные рельсы. Укладываясь спать, Липа подумала, что надо бы записывать свои мысли о неизбывном, то есть об экономии, а потом продать их в качестве дополнения тому, кто наваял этот календарь.

«А если кризис кончится, пока я буду копить эти интеллектуальные сокровища?... Да нет... У нас кризис хронический. Этот – просто очередное обострение. Обострение кончится, а кризис – это на века! Буду копить и экономить! Экономить и копить!»

Наутро, однако, Липа была озабочена тем, что покупала почтовые конверты – вот уж чего не делала лет сто! Потом она искала, где бы распечатать свою «оду к радости», содержащую ее соображения по поводу мошеннических уловок гендира и главреда г-на Покойницкого Г. А., который выманивал у наивных авторов и копирайтеров тексты, а затем, под предлогом их низкого качества, либо вовсе не платил, либо сильно занижал первоначальные расценки.

Справедливости ради можно было заметить, что последнее к ней персонально не относилось. Ведь Липа – мастер своего дела. У нее слог и стиль на высоте. Однако! Есть ведь и другие, менее ловкие и не слишком деловые граждане, которых надо уберечь от этого мошенника и прохиндея. Ну, так и пусть компетентные органы выделения мерзавцев должным образом отработают г-на Покойницкого и превратят его в... Ну, понятно – во что заслуживает...

Да и превращать-то его особенно не надо – полуфабрикат по сути... Так что пусть свершится страшная месь за недооплаченную литературу!

Наконец, чуть ли не к середине дня Липа внимательно, прикрыв от удовольствия глаза, послушала, как с глуховатым «тук, тук!» упали в почтовый ящик объемистые конверты, адресованные в районную прокуратуру и эту комиссию.

«Пустой ящичек-то... Ну, будем надеяться, что не потеряются. Интересно, когда наступят трагические для г-на Покойницкого последствия? Кузя говорит, что сейчас все чинари боятся ответственности и реагируют строго в течение десяти дней. Ей ли не знать!.. Так... неделя на доставку плюс десять дней на переваривание и усвоение информации... Значит, в начале февраля. Во – и день уже прибавится! Совсем хорошо будет».

Теперь первоочередной задачей было найти подработку, желательно надомную, сугубо интеллектуальную и хорошо оплачиваемую. Но вот это... Ладно, дома подумаем.

О календарике-найденныше Липа вспомнила только после обеда, когда решила прибрать до лучших – но скорых! – времен пакет с подлинниками разоблачительных документов. Она слегка удивилась, заметив, что на первом листке календаря стоит сегодняшняя дата – 16 января. Разве она отрывала листки? Вроде нет. А выкидывала? Тоже нет. Потерялись? Жаль... Там ведь были довольно полезные советы...

Липа еще раз заглянула внутрь пакета – ничего, кроме свернувшейся эмбриональной загогулиной канцелярской скрепки, там не было. Вспомнив, что она решила экономить, Липа взяла скрепку и кинула ее в файл с копией своего единственного заключенного с Покойницким договора – пригодится... Хорошо, что она хоть этот договор из него выдавила! А как Покойницкий не хотел подписывать, а?! Все что-то ему было не так... Теперь-то понятно – просто ждал, жулик, что Липа отступится... Плюнет и будет работать без оформления отношений... Хорошо, что рывкнула, мол, сейчас повернется и уйдет. И как бы она сейчас вообще доказывала, что с ним элементарно знакома?

Мысленно похвалив себя прежнюю, Липа пошла в большую, просторную гостиную и решила почитать календарь. Тот, словно уловив ее потаенные желания, выдал следующую информацию:

«Экономьте, не выходя из квартиры! Не включайте люстру в пять-шесть розжков, чтобы почитать газету в дальнем углу комнаты! Установите местные источники света – бра, торшеры, настольные лампы и пр. Помните старинное правило – уходя, гасите свет!»

«Ну, это я и так делаю – в силу прокоммунистического воспитания в семье кадрового военного».

«Установите диммеры, приборы, регулирующие яркость света...»

«Во, на сэкономленные копеечки и купим. Но потом!»

«Чаще мойте окна – грязные стекла пропускают значительно меньше света! Выключив освещение на четверть часа раньше утром и включив его на четверть часа позже вечером, вы существенно сократите потребление электроэнергии».

Липа с сомнением глянула на окно – в Москве, где даже зимой голову надо мыть через день, этот совет не слишком полезен. В провинции – да, может... Но не в столице нашей Родины. Экономия на электричестве обернется тратами на моющие средства.

– Ага, можно еще сэкономить на цирюльне, шампуне, геле для укладки и краске для волос, элементарно купив безопасную бритву и запасной блок лезвий. Очаровательно!

Вспомнив о намерении фиксировать собственные антикризисные идеи, Липа сходилась за блокнотом и карандашом и записала плодотворные мысли о бесплатном холодильнике в стенке или между рамами, о бритве-вшигонялочке и о яичном белке с сахаром в качестве косметического средства от морщин на лице и шее.

После она снова припала к живительному источнику.

«При покупке электроприборов обращайте внимание на класс энергосбережения. Самый лучший – это А, самый худший – Г».

«Запомнить несложно – ничего из класса Г не покупать. В жизни не обращала на это внимания... А когда для меня вновь наступит время приобретения электроприборов?!»

Ответа на последний вопрос календарь не содержал, но выдал следующее отеческое наставление:

«Отрегулируйте в вашем компьютере режим энергосбережения. Установите параметр отключения дисплея на 4–5 минут...»

«Ага, это ровно столько, сколько надо, чтобы сбежать в туалет!»

«...После этого вскоре «засыпает» и системный блок. Так можно сэкономить до 50 % электроэнергии, потребляемой компьютером».

«Хороший совет. Но опять же – будет ли у меня повод часто взнуздывать свою старенькую рабочую лошадку?»

«Сразу, как только вы зарядите мобильный телефон, выньте зарядное устройство из розетки. Даже без телефона оно продолжает активно потреблять электричество».

– Что-о-о?! – буквально подскочила Липа. – Это как, а?! И почему ж об этом нигде в инструкциях не пишут? В сговор с Чубайсом вступили, да? И эти, в салонах – на ночь оставьте, ничего не случится – сам отключится!.. А он, оказывается, лежит и жрет, и жрет, и жрет!.. Ну все жулики, все! Поголовно.

«Чаю, что ли, попить, успокоиться...»

Плиты в доме у Липы были газовые, интенсивность голубого пламени на оплату никак не влияла, поэтому Липа с удовольствием плюхнула на плиту бесполезно полный чайник и снова принялась читать неиссякаемый на мудрые советы календарь.

«Если у вас электрическая плита, готовьте на конфорке, соответствующей диаметру сковороды или кастрюли. Если конфорка больше, на приготовление пищи уходит на 5-10 % больше электроэнергии. Закрывайте посуду крышкой – так экономится 20 % времени, а значит, и электричества».

«Похоже, этот календарь выпустили рыночные конкуренты Мосэнерго».

Тут в прихожей зазвонил городской телефон, и Липа десять минут говорила с пожилой соседкой по этажу, Лидьиванной Полуэктовой, жаловавшейся на здоровье и дорогие лекарства. За это время чайник вскипел, забурлил и, пользуясь безнадзорностью, оплевал кипятком пол в кухне.

День завершился в попытках рассчитать, на сколько недель приличной жизни ей хватит оставшихся денег, и последующим сидением перед телевизором.

За утренним чаем Липа дочитала в календаре про тарифы на разное время суток, мысленно поклялась заряжать мобильник только с 23.00 и не ложиться спать, не вырвав зарядник из сети. Пресытившаяся мудростью, она чмокнула календарь аккурат в следующее число, слегка удивилась тому, как много информации влезает на маленький календарный листок. Сказав напоследок: «Ути, мой славный!», Липа отложила нового друга и принялась читать приглашения на работу из районной газетки, которую утром рассовали по почтовым ящикам. Страстных призывов для писателей, копирайтеров, журналистов и переводчиков там, по всей вероятности, не было, но не надо, не надо замыкаться в рамках своей узкой специальности! Вот!

Объявление в рамочке гласило: «Элитное бюро трудоустройства! Множество вакансий для всех категорий граждан! Кто ищет, тот найдет!»

«Им бы самим текстовик хороший не помешал... Это что за логика – элита для всех категорий?! И название с какой-то провинциальной претензией – «Эллина-М». С таким названием

они в любом справочнике на самой последней странице окажутся. Но позвонить не мешает... Тем более за городской телефон все равно уплачено авансом».

– Рекрутинговое агентство «Эллина», здравствуйте! – бодренько прозвенело в трубке.

Голосок гундосил едва уловимым южанским акцентом. Или это только показалось?

– Я переводчик, – пошла Липа по пути наименьшего сопротивления – зачем пугать людей своим отъявленным журнализмом!?

– А какой у вас язык? – еще более оживилась рекрутерша. И, не дослушав длинного списка, заверещала: – Тогда для вас найдется множество замечательных вакансий!!! Когда вы сможете к нам зайти?! Мы работаем и по субботам!

У агентства был какой-то странный адрес, и девица долго разъясняла, как их найти, но в конце концов они договорились. Тут Липа заметила, что уже почти десять часов и надо посмотреть новости в надежде, что появится РДГ.

РДГ – вне всякой, даже Липиной женской логики, расшифровывалось как Мужчина Моей Мечты или Мой Любимый Телеперсонаж. Влюбляться в телеведущих или актеров – так плоско и неоригинально... Но! Это же наш брат журналист – это отнюдь не вульгарно... Это – в самый раз. Тем более РДГ был хорош собой, высок, широкоплеч и смел, вещая из самых крутых и горячих точек постсоветского телепространства.

Но РДГ, поскольку никого не убили и ничего не взорвали, не появился, и, чтобы скоротать время до сборов на свидание с рекрутерами, Липа решила полистать календарик, уже начавший становиться ее другом и наперсником. Он был перемещен из кухни в комнаты на почетное место – на видеомагнитофон, давно исполнявший роль электронных часов.

Календарик, словно услышав Липины мысли, выдал информацию о поиске работы:

«Решив воспользоваться услугами кадрового агентства, обратите внимание на следующее: где оно находится, оснащено ли постоянным телефоном, сколько в нем сотрудников. Если агентство дает только мобильный телефон, а работает там два-три человека, то, скорей всего, это контора-однодневка, решившая нажиться на кризисе и незавидном положении людей, оставшихся без работы».

– Чего-чего?! – спросила у кого-то Липа, вставая, чтобы пойти в кухню и посмотреть еще раз на объявление в газетке, уже приготовленной для отправки в последний путь – в мусоропровод.

«А чего ходить-то? Я ж им с мобильного звонила – чтобы телефон не записывать... Ой-ой-ой, кажется, мой поход – это потенциальный пролет над гнездом фигушки!»

Тут позвонили в дверь. Липа, по давней офисной привычке, одним точным ударом по энтру сохранив озабоченное выражение лица, пошла открывать. Это была та пожилая соседка Полуэктова, жившая в однушке напротив Липы. Она была старой девой, до сих пор хранившей советский партбилет, поэтому Липа мысленно называла ее Кларой Целкин, хотя относилась к старушке совсем неплохо. Главным компонентом жизни Полуэктовой было большое бледно-палевое чудище, изящно, в соответствии с бывшим статусом хозяйки-апээнщицы называвшееся кот Дивуар.

– Здравствуйте, Липонька, – милостиво произнесла Полуэктова. – Вы не понянчите Дивусика до вечера? У меня собрание партячейки.

«Конспиративная сходка заговорщиков, ага».

– Ой, наверное, нет, Лидьванна... Мне уходить сразу после часу и до вечера. К Марьпетровне обратитесь, ладно?

– Ох, ну вы же знаете...

– Знаю. Но вот... к сожалению. – Липа огорченно развела руками.

– Ну ладно, спасибо.

Насчет «до вечера» Липа, конечно, соврала, но брать кота Дивуара на все многочасовое ячееистое заседание Полуэктовой ей совсем не хотелось. Кот этот был пакостный, еще пакостнее

Кузиного Тишки, тоже некастрированный, и после него в квартире оставались вонючие метки. А другой соседке Полуэктова кота Дивуара сдавать не слишком любила, поскольку Марьпетровна требовала кота приносить с приданым – «а то ж оборется весь, шалый!», и Лидьиванне казалось, что соседка сама кушает принесенные для пропитания кота Дивуара звериные консервы. Дома же кота оставлять было нельзя по определению – забалованный до умопомрачения, пробыв в томительном одиночестве дольше часа, от скуки и вредности он прицельно, обильно и тщательно обписывал стоявшую в прихожей полуэктовскую обувь...

К двум часам тусклого сырого дня Липа оказалась в некоем странном месте. Вообще, Москва полна странных мест – абсолютно пустынных, безлюдной тоскливостью своей сходных с Луной или даже Марсом. Странно, что застройщики ссорятся из-за земли и даже дают за нее многомиллионные взятки – пустошей в Москве как грязи – надо только, не лентясь, искать получше.

Свернув за угол, на котором худо-бедно было написано название вроде «Тракторостроительная, 13Б», Липа очутилась на какой-то площадке, обнесенной траченным дурной экологией бетонным забором, покрытой шишаками грязной наледи и абсолютно безлюдной.

«Так, стalker в образе храброго РДГ мне не помешал бы», – подумала Липа, нащупывая в кармане пальто мобильник.

– Я сейчас стою на каком-то жутком пустыре, – объясняла Липа гундосой девице в трубке.

«И мне страшно и горько!»

– Так вы вперед, вперед идите! Это же совсем рядом с нами! – настойчиво повторяла та.

– Что-то я не очень понимаю, где у вас здесь вперед, – сказала Липа уже самой себе, но двинулась в глубь Зоны.

Тропинки, по которой сюда ходили бы толпы соискателей элитных вакансий, среди скользких напластований не прослеживалось, но в сумраке сырого промозглого тумана забрезжило нечто похожее на строение, и Липа, осторожно ступая, двинулась к нему.

Бетонно-серое, под стать ограде, здание было облеплено стандартным набором рекламных плакатов – окна и двери, риелторская контора, деньги в кредит за час и пожизненно.

«Ага, – быстро сообразил внутри Липы безработный копирайтер, – сюжет для рекламного ролика: взял деньги, купил квартиру и... выбросился в новое окно, потому что не мог вернуть долги. Кривотив прет – чистый улет!»

Скромный, лаконичный постер «Кадровое агентство «Эллина-М» здесь тоже был.

«Что там советовал календарик-то? Смотреть на месторасположение офиса, персонал... Ща посмотрим! Ух мы и посмотрим!»

Пустой второй этаж настороженно разглядывал Липу голубоватыми бельмами стеклянных перегородок, деливших его на офисные закутки. В одном скучала парикмахерша, в другой происходил вялотекущий ремонт. Отсек с наклейкой

«Эллина-М» обнаружился в конце слепой кишки коридора.

«Ну почему, почему все нужные помещения мне оказываются на самой корме?!» – внутренне взорвалась Липа, но усилием воли сбросила раздражение вниз экрана, выкинула на дисплей заставку «А вот и я!» и открыла дверь.

– Здравствуйте! Это я вам звонила.

В офисе обретались три джинсовые девицы, с некоторой натяжкой годившиеся Липе в дочки. Одна была носатой и черноволосой – наверняка это та, с вязкими южными интонациями в голосе. Две другие были типичными, фальшиво-блондинистыми офисными инфузориями. Как ни странно, все три девицы Липе искренне обрадовались. Одна подставила ей стул, черноволосая поспешно вынула и положила перед ней компьютерную распечатку какой-то анкеты.

– Вот, заполняйте пожалуйста!

Наверху листка флуоресцентным фломастером было аккуратно выведено «100 руб.».

– У вас что – для соискателей услуги платные? – брезгливо отдернув руки от анкеты, спросила Липа.

– Да... анкетирование у нас платное.

Что-то упругое, помимо ее воли, подбросило Липу со стула.

– Не договорились, – буркнула она какое-то не свое, чужое слово и поспешно вышла из офиса, успев, однако, заметить, недоуменные и раздосадованные личики юных «эйчарок».

«Ну, спасибо календарнику – все как там прописано. Офис в глубокой попе, телефона толкового нет, «специалистки» только что восьмилетку в высокогорном ауле закончили и в Москву на горячем коне прискакали – город большой, денежный... Безработица уж который месяц растет... Думают, сейчас им каждый безработный по сотняжке принесет – и они весной к себе, в горы, в Альпы родные с мешком денег поедут, ага... Дождитесь!»

О том, что девицы не сами эту контору замутили, а нанял их какой-то хитрый дядя-мо сквич, да и к тому же по дешевке, Липа думать не стала – не хотелось... Главное, она не дала втянуть себя в авантюру. А то, что девчонки даже на обед сегодня не заработали, – это уж их проблемы.

«И откуда бы у этих «охотниц за головами» «множество вакансий» хотела бы я знать?! Дурочку нашли, а?!»

Торжество по мере продвижения к дому померкло, и настроение, когда Липа, вместе с холодным подъездным воздухом, вползла к себе в квартиру, оказалось, как говаривала подруга Кузя, «ниже плюньтуса».

«Ну ничего, – утешала себя Липа, яростно выскребая из банки остатки засохшей сгущенки – почему-то ужасно захотелось сладкого. – Главное, я не дала себя облапошить. А то б потом еще стольник, да еще стольник... Тесты на безмозглость пришлось бы решать... Знамо дело!»

...Липа вдруг вспомнила, как в лихие девяностые, едва закончив университет, искала работу и просидела в холодной редакции какого-то ежеквартального архитектурного журнальчика битый день, решая тупые, мутные задачки – сначала на общий интеллект, потом на эрудицию, потом на секвенцию и элоквенцию. Затем она, уже дико голодная, ждала результатов и, в конце концов, получила приглашение работать – полную рабочую неделю за древесный эквивалент ста двадцати амдолларов. Приличный заработок тогда исчислялся от трехсот баксов, и Липа довольно-таки по-хамски – в смысле «ищите дурочку в другом месте» – отказалась.

– Чёй-то я не представляю себе, кто к вам на такие деньги пойдет, – пробурчала она, собирая со стола косметический боеприпас, вынутый из сумки за долгое сидение над архитектурными пустографками. – Требование у вас – и то, и пятое, и десятое – а денежки-то больно хилые. Какой человек с ай-кью в двести двадцать пунктов целый день здесь за сотню баксов париться будет? Сам подумайте!

– Ну, я вот парь... работаю, – сумрачно, поджав бесцветные губы, ответствовала дама в свалывшейся мохеровой кофте и с непокорной седой прядью, прихваченной на виске веселенькой, блестящей заколкой.

«У внучки, поди, украла, коза постсоветская».

– Ну так и работайте дальше! А я пойду, – прошипела Липа, очень сердитая на всю эту контору, продержавшую ее у себя в душной, сырой утробе целый весенний день и ничего не давшую взамен.

«Да нет, почему, давшую – опыт, – подумала Липа теперешняя. – Или тебя берут сразу, или не берут вообще. Хорошую работу можно найти элементарно дуриком. Но сначала надо элементарно найти тот самый дурик».

Дурик представился ей в виде прута в руках лозоходца, и этот образ Липе понравился, поэтому она незамедлительно внесла его в блокнот. Потом она пошла искать свой замечатель-

ный антикризисный календарь – а ну как там что-то интересное есть? Вопрос-то об источнике дохода остался открытым, и происки, то есть поиски, хочешь не хочешь, а надо продолжать.

Но календарь почему-то решил поведать Липе о еде.

«С развитием кризиса россияне не стали меньше есть, отнюдь. Мяса мы стали потреблять на 12 % больше, молока на 22 %, рыбы на все 39 %. Для психиатра в этом нет ничего удивительного – мы стремимся «заесть стресс».

«Ага – иначе он заест нас», – подумала Липа и перевернула листок.

«Реакция это бессознательная, запрограммированная опытом внутриутробной жизни. Первоначальное условие безопасности – сытость. Если ты сыт, то, значит, в безопасности».

«Вот мы и жамкаем, создавая себе иллюзию защищенности. Хорошо тем, кто верит в свое космическое происхождение, – они не ощущают своей скотской природы, как я», – рассудила Липа, с удовольствием ощущая, как распределяется по утробе распарившаяся и ожившая сгущенка.

«На отношение к еде как средству создания видимой безопасности влияет не столько материальное положение, сколько пол. Женщины более склонны «заедать» стресс, мужчины скорее его «запивают».

– Да, новое дело, нечего сказать, – разочарованно произнесла Липа, отрывая листок. – Утешил ты, братан.

Запелюкала мобильник, Липа просмотрела Кузино сообщение, что папа после ее визита чудесно выздоровел, вздохнула над милой наивностью подружки, верившей в экстрасенсорные Липины способности, вытерла с мобильника телефон «Эллины-М» и пошла в гостиную отлавливать вечерние новости с Мужчиной Ее Мечты. И – о чудо! – встреча состоялась. Мужественный горбоносый репортер взвился орлом высоко в Кавказские горы, нашел там залежи художественной глины и с пристрастием допросил аборигенов, по старинке лепивших из этой глины кухонную утварь и хрипловатые свистульки. В заключение своего сюжета РДГ, сравнив себя с гигантским образцово-показательным горшком, зачем-то сообщил, что в нем метр девяносто роста. Липе это не понравилось, и она обиделась на РДГ.

– Если б меня кто-нибудь с горшком сравнил – я б ему тем горшком да по темечку, – сказала она вслух, спесиво, через губу – будто Мужчина Ее Мечты мог ее слышать. – Хотя... Если бы это была бело-синяя керамика династии Цинь... Сколько бы во мне оказалось? Пять-шесть раз по полмиллиона евро... Неплохой гешефт был бы, да.

Похоже, надвигающаяся МК лишала Липин интеллект широты и глубины, а чувства – утонченной возвышенности.

«Не надо поддаваться унынию. Это – грех», – подумала Липа и заглянула в телепрограмму на вечер.

Фильмов интересных по ящику не было, и Липа решила почитать календарик – кажется, это входило у нее в привычку. Тем более календарик будто слышал ее мысли. Вероятно, поэтому маленького бумажного приятеля серьезно перевалило на трудоустроительную тематику.

«Какие бывают агентства трудоустройства?» – задал он риторический вопрос.

– Ну-ну? – подбодрила его Липа, поудобнее устраиваясь на диване с ногами.

«Условно их можно разделить на две группы...» – охотно продолжил оракул.

– Ага – жульнические и прохиндейские, – согласилась Липа. – Это я и сама поняла.

Календарь проигнорировал Липино ехидство и продолжил вещать:

«...кадровые службы и компании по подбору персонала. Разница заключается в том, кто оплачивает их услуги – безработный соискатель, как в первом случае, или заинтересованный работодатель, как во втором. Соискатели, попавшие в орбиту последних, как правило, за услуги не платят».

«Значит, я вышла не на ту орбиту. Промахнулась то есть. Хорошо, хоть полет был почти бесплатный, а посадка – относительно мягкой», – подумала Липа и перевернула листок.

«Правда, чтобы привлечь внимание ушлых хед-хантеров, надо быть классным специалистом, ходовым товаром, за «поставку» которого можно получить хорошие проценты».

– А я чем не хороша? У меня все тип-топ, – сказала Липа, пожав плечами. – Я писюка классная! У меня что ни строчка – то бриллиант!

«Необходимо также знать, что на рынке рекрутинга действуют специализированные центры, контактирующие, например, только с журналистами и иными сотрудниками СМИ, домашним персоналом, ресторанными служащими или менеджерами. Там вам помогут с гораздо большей степенью вероятности».

– Да? – искренне удивилась Липа. – Не знала. Ох, как бы мне такое агентство пригодились-то, а?! Интернетки у меня нет... А то бы я – м-м! Все нашла и всех растоптала!

Липа обычно мотала сведения из Всемирной паутины про месту работы, не желая тратить на домашний Интернет. И вот – теперь эта экономия, похоже, выходила ей боком. Да и компьютер у нее был не ахти мощный – для текстовых файлов сходил, а для масштабных задач, кажется, не очень.

«На первые же приличные деньги куплю ноутбук – самый лучший! И со всеми этими тыкал ками-фумигаторами, вроде ю-эс-беками и фиг-вам-фаями! Пусть они и полные азиаты».

Липа бросила косой взгляд на свою старую «рабочую лошадку», мирно спавшую в глубине комнаты, – не услышал бы ее компьютер да не помер бы тут же от огорчения. Тогда самой простенькой рекламки не напишешь, переводика не сляпаешь...

– Так, – веско произнесла Липа, переворачивая листок, – а ну-ка, поподробнее про эти спецгентства! Ну? Я – спецгент ноль-ноль-один! Поехали!

На листке значилось:

«ЛУЧШИЕ ОПЕЧАТКИ ОЛИМПИАДЫ ЗИМИНОЙ».

– Ч... че-го? – судорожно глотнув, выдавила испуганная Липа.

Это была папина идея – назвать дочку в честь шедших в то время зимних олимпийских игр. Такое имечко сообщало повышенную пикантность ее статьям – даже псевдонима не надо... Липин слог – это нечто! Но опечатки... Откуда здесь... такое?!

Липа прикрыла глаза, полежала так несколько секунд – должно быть, глаза устали от чтения мелкого шрифта в условиях пониженной освещенности давно угасшего зимнего дня. Экономия же...

Липа открыла глаза и прочла снова:

«ЛУЧШИЕ ОПЕЧАТКИ ОЛИМПИАДЫ ЗИМИНОЙ»

*я обнапужила там
кака двести лет назад
потерибителям
топорясь поцеклюями
в зрелом и сирашем возрасте
особенно пролезны морковь и тебли
Закваказья
житописи курояток
кресла задовик
цуловек
кормидора
бидеты ненароком в разжевалку
в промежутке
трописка вмляла ЧУЧАСТКИ».*

«Господи, как это я такое наваяла? Когда?! Ну, «кака двести лет назад» – это я про бал в Останкино писала, даже платье пришлось длинное напрокат брать у Полуэкторши – иначе не пустили бы, дресс-код, знаете ли... А «топорясь поцеклюями» – это про что?! И кто вообще – это сюда поместил?! И откуда взял?»

Липа, не очень хорошо соображая, что делает, отложила разладившийся и понесший откровенную чушь календарик и пошла на одеревеневших ногах на кухню – поискать чего-нибудь съестного.

«Зажевать стресс, срочно – как и положено нормальной среднестатистической бабе», – подумала она о себе как о постороннем человеке. – Это, верно, у меня отходнячок такой... Легонький. После визита в контору по труду устройству...»

Ничего сладкого вроде конфет или дольки шоколада в хозяйстве не нашлось. Это также добавило стрессу Липиному несколько зыбкому в интеллектуальном отношении состоянию.

Когда она работала переводчиком, конфет и шоколаду у нее было непереводно – то инструкцию к бытовой технике коллеге переведешь, то контрольную нерадивому студенту делаешь. Случалось, и на русском – например, любовные письма на заказ писать... Ну, не хватало сорокалетним теткам мозгов наслепать на компьютере – Вася, ты мне очень нравишься, давай с тобой дружить тесными интимными отношениями!

Потом Липа вспомнила вдруг, как они с Кузей, еще будучи коллегами, сидели и пили чай с конфетами из шикарной золотой коробки. Липа ножичком тюкала конфетку пополам: если начинка коричневая – Липе, если белая – Кузе, а цветную, неизведанную, кушали пополам и обменивались впечатлениями.

Потом, через несколько лет Липа почему-то вспомнила, что эту коробку ей подарил техник-хорват, временно работавший у них в здании на монтаже нового оборудования. Но Липа, пребывавшая в стадии первой влюбленности в РДГ, не обратила особого внимания ни на хорвата, ни на то, что коробка в форме сердца была преподнесена четырнадцатого февраля... О том, что интересный смуглый брюнет был по уши влюблен в Липу, знали все, кроме нее самой. Расстроенная Кузя сообщила об этом Липе только после того, как хорват вместе с инструментами и разбитым сердцем отбыл к себе на родину.

«Да, вот такой нешоколадный период наступил...»

Липа согрела чайник и от души наvertsела себе какао с соевыми сливками. Отследив то, как последний глоток напитка мягким теплым клубочком скатился в желудок, она решительно отправилась в гостиную, дабы выяснить отношения с зарвавшимся календарем. Тот, распустив листки павлиньим хвостом, как ни в чем не бывало лежал-полеживал на спинке дивана.

– Так, дорогой друг! – начала Липа, беря календарь. – Я, конечно, ценю твои замечательные сове...

На листочке значилось:

«КАША КУКУРУЗНАЯ «ФРАГОНАР»

На одну часть кукурузной крупы или муки берем 2–2,5 части воды и, пока вода не нагрелась, всыпаем крупу тонкой струйкой, чтобы избежать комков».

– Мозги мои сейчас из ушей посыплются тонкой желтой струйкой, – зло прошипела Липа, остервенело выдирая из календаря рецепт каши «Фрагонар».

Ни до ни после него «списка опечаток» не было. Глаза выхватывали куски каких-то советов вроде «не надевать на собеседование длинных серег – их перезвон будет отвлекать от вас внимание специалиста по кадрам...». Никаких «жипописи куряток» там не было и в помине.

– Ну ладно, – примирительно сказала Липа, водружая календарь назад на спинку дивана, – значит, точно мне впотымах привиделось.

«Да и откуда им взяться? Я же все вычищаю досконально. Пальчики у меня, конечно, шаловливые, резвые, вечно между клавишами попадают, но ведь я – профи, на доводку времени не жалею».

Тут Липа вспомнила свою действительно классную «опечутку» – как она, делая заказной, юбилейный материал об ансамбле народного танца, лихо обозвала лезгинку лезбинкой и чуть было не отправила материал заказчику в таком виде... Но не отправила же? Просмотрела статью еще раз, чуть не умерла с хохоту, но выловила...

«А если б такое прочел РДГ?! Ведь убил бы джигит кавказский, а? Но обошлось как-то... Обойдется и дальше».

Но календарь, по-видимому, трогать сегодня уже не стоит – он устал и будет публиковать какую-то ерунду. Листок с кашей «Фрагонар» Липа отнесла на кухню. Можно и приготовить, чтобы не обижать друга – надо только купить эту крупу.

Наутро чуть успокоившиеся нервы, как уснувший компьютер – «мышкой», взбудоражил звонок в дверь. Без телефонного звонка приходили только цыгане за обносками, торговцы вразнос и бабуля Полуэктова. Липа подозревала, что это у нее слабые реминисценции начальничьей привычки врываться в отдел без стука – дабы застать недобросовестных подчиненных за чтением антисоветской литературы или вязанием салфеток – Лидьиванна часто и гордо называла себя «заслуженной апээновкой» и с удовольствием рассказывала, сколько надо было пахать и унижаться, чтобы, как она, получить звание редактора-аналитика и руководить целым департаментом.

«Хилогато вы анализировали в вашем АПН, если до контрреволюции допустили», – ехидно думала в такие минуты Липа, но вслух не высказывалась – Полуэкторша иногда здорово предугадывала события.

Лидьиванна, как водится, явилась с котом Дивуаром на руках.

– К вам можно, Липочка? Не заняты?

– Да какой там занята! – махнула рукой Липа. – Заходите уж. Чаю испьете? Тогда идемте на кухню.

Перед Полуэкторшей можно было не выживаться – мол, сижу дома по собственной инициативе, отдыхать продолжаю... Она знала, что происходит вокруг, наверняка не хуже Липы.

– Можно? – Она спустила с рук кота Дивуара. – Он будет себя хорошо вести. Правда, Дивусик?

Кот открыл пасть и издал сиплое мяуканье, сопровождая его чавкающим звуком смыкающихся челюстей, недовольно оглядел помещение и неряшливо плюхнулся на собственный хвост.

– Я на днях прослушала – в закрытом режиме, разумеется – одну очень интересную лекцию, – размеренно, как Баян-сказитель, начала Полуэктова. Не получив внятной реакции Липы, налившей воду в чайник, она продолжила все так же пониженным голосом: – На тему «Откуда взялся кризис и когда он кончится».

– Никогда, Лидьиванна. Я и без лекции знаю. В нашей жизни всегда есть место кризису.

– Так-то оно так, – таинственно прикрыла глаза Полуэктова. – Но все-таки... Так вот, один весьма компетентный товарищ рассказывал нам, кто и как обанкротил планету.

«Обанкротил планету? Хорошо сказано. Надо запомнить».

Липа на секунду представила себе Землю, летящую через промозгло-холодное межпланетное пространство, жалкую, ободранную, без единого огонька на поверхности... И над ней, не стесняясь и тыкая в спину пальцем, потешаются все космические тела – даже беспорочная астероидо-кометная мелкота...

«А еще гордилась перед нами – на мне жизнь есть, жизнь!» Получила, да? Будешь знать, как с людишками дело иметь!»

– И кто же эта сволочь, гад и подлюка? – без тени иронии спросила Липа, заваривая для Полуэктовой традиционный черный чай – зеленый та не любила, считая происками китайских оппортунистов.

– Мировая финансовая элита и американское правительство, – чванливо потрясывая головой, заявила Полуэктова.

– А зачем мировой финансовой элите дополнительные усилия? Они и так не голодают. А в Штатах правительство скоро поменяют – вот-вот. Им же и расхлебывать всю эту баланду.

– Американские, да и не только американские биржевые спекулянты, – многозначительно вещала Лидыванна, помешивая чай, – сознательно и целенаправленно обрушили рынок ценных бумаг для того, чтобы потом скупить их по дешевке. В результате богатые станут еще богаче, а бедные – еще беднее.

Она победительно вскинула голову и вопросительно посмотрела на Липу – не побежит та сию минуту в гостиную – строить баррикаду, дабы отвоевать свое добро?

– Ну да, – невесело отозвалась Липа. – Дали чуть отдышаться, и будя. Чем обмохнулись, сейчас доедать будем. Утешили, Лидыванна, ничего не скажешь. А этого Бумбарака выберут – что ваш лектор говорил?

– Весьма возможно, – веско произнесла Полуэктова, даже не сделав, как обычно, Липе замечание за политическое словоблудие. – Ведь тогда можно будет свалить все беспорядки и недовольство народных масс на первого чернокожего президента США.

– Да он не черный – так, смугленький... Лопухий еще.

– Не имеет значения... Дивусик, иди ко мне на ручки, а?

Кот Дивуар уже минуту оглашал кухню скрипучим мявом, прося выпустить его из кухни – драть когтями Липину мягкую мебель. Липа подхватила кота под мохнатое брюхо и передала хозяйке. Кот пошел на ручки неохотно, а на небогатый Липин стол поглядел с нескрываемым презрением.

– Компетентные специалисты считают, – продолжила Полуэктова, – что в этой аванюре с искусственно навязанным кризисом замешаны и российские банки.

– Так они ж тоже полопались?

Полуэктова тонко улыбнулась:

– Вы не понимаете, Липа!.. Милая, наивная Липочка... Банки рушатся по всему миру, да... Но их денежные обломки накрепко прилипают к рукам преступных финансовых воротил! Российские не исключение.

«Точная цитата из этой вчерашней политинформации. У бабки склероза нет. Старая гвардия! Ура!»

– А кончится-то эта мусть когда? Вам хоть сказали?

– Ну-у... Дивусик, не плачь, сейчас пойдем домой... Наверное, к апрелю наступит некое послабление, летом вообще вся деловая активность снижается, так что до сентября особых перемен не будет. А там...

– Ага, острое состояние перейдет в хроническое. Вам еще кекса подрезать? Вы не стесняйтесь, его уже доедать пора.

Полуэктова подняла едва заметные седые бровки и вытянула белесые губы трубочкой, размышляя то ли о кризисе, то ли о кексе.

– Нет, спасибо, я ограничиваю потребление углеводов. Оппозиционно настроенные аналитики не исключают повторный вал кризиса.

– Ой! – схватилась Липа за щеку, почти искренне. – Да куда уж повторно-то?!

– Есть такая старинная притча, – начала Полуэктова, опять чуть заунывно. – Ограбил захватчик город и спрашивает у своих солдат – ну что, что жители делают? Плачут, отвечают те. Ах, так вы же не все взяли! Вернитесь и заберите остальное! Ну, те вернулись, принесли

еще золота. Предводитель опять – что жители? Смеются, отвечают солдаты... А, вот теперь действительно все!

– То есть, если я вас правильно поняла, Лидьиванна, в разгар осени те, кто нам это все устроил, убедятся, что еще не все с нас соскоблили, и обернут нас еще раз?

– Да, Липочка, да! – горестно покачала седой головой Полуэктова. – Это не маловероятно. Регулярное ограбление народных масс – основной прием обогащения капиталистов.

«А я – ну просто образец для такого рода упражнений! Дал же бог имя!..»

– А чего-нибудь хорошее говорили? – безнадежно спросила Липа.

– Вроде пенсию прибавят побольше, пособия разные... По безработице – тоже.

«Ну, эти грошки мимо моей персональной кассы – до пенсии далеко, на пособие по безработице я права не имею, поскольку нигде не оформлена постоянно. Так что... Во принесла нелегкая соседку-беседушку с хорошими новостями, а?!»

Будто услышав Липин утробный вопль или, скорее, утомившись держать выкручивавшегося у нее из объятий и зудящего, как нарывающий палец, кота Дивуара, Полуэктова засобиралась на выход.

– Я вас не слишком огорчила? – величественно осведомилась она уже в прихожей.

– Да нет, – выпятила губу Липа. – Я как-то смирилась с тем, что год будет не слишком-то хлебный... Да ладно... Пробьемся!

– Мне нравится ваш здоровый оптимизм, – сказала Полуэктова, и Липа закрыла за ней дверь.

«Мне тоже нравится мой оптимизм... Но где бы его взять побольше?!»

Завтра, в понедельник, надо было предпринять хоть какие-то попытки раскопать источник доходов.

Источник доходов, точнее, фолиант с вакансиями, который Липа время от времени покупала, чтобы выяснить и хищно использовать потребу в журналистах и копирайтерах, поразил ее неожиданной худобой и изможденным видом. Она так давно его не покупала... И вот!

«Ни фиги себе! Рецессия на марше! – мысленно охнула Липа, без труда засовывая в сумку сильно полегчавший том. – Раза в три-четыре с лица скинул, бедолага... Это что – наглядный показатель общего упадка экономики?!»

На улице похолодало, наступили какие-никакие, а крещенские морозы. Пройдясь, проклиная гололедицу, по близлежащим социальным магазинам, Липа вернулась домой. Почти сразу ей позвонила на городской номер другая ее лучшая подруга Алена.

Вообще, когда Алене было хорошо – то есть когда у нее была работа и деньги, она про Липу не вспоминала – могла не звонить и по полгода. А когда звонила, то объяснялась в любви. Липа знала, что это сигнал очередной депрессии, и Алену надо тащить на какое-нибудь мероприятие – да хоть в музей на выставку яиц Фаберже, выкупленных олигархом у «Сотби» или «Кристи»... Сначала Алена упиралась всеми четырьмя копытами, потом соглашалась, а под конец велеречиво благодарила Липу за то, что та ее «сюда вытащила», настойчиво спрашивала, не купить ли ей в подарок что-либо из экспонатов, и под конец вела в дорогое кафе угощать пирожными. А потом они еще гуляли и сплетничали. Этот период их общения был самым коротким, поскольку общих знакомых у них не было – Алена работала в кино, режиссерией среднего звена. На определенных этапах их знакомства это было очень даже хорошо – периоды безденежья у них, как правило, не совпадали, и они помогали друг другу материально. Но не сейчас, когда они обе вращались в творческой среде и впадали в нищету синхронно. Поэтому сейчас Алена звонила не затем, чтобы прощупать Липу на предмет ее благосостояния – на этот предмет у нее не могло быть иллюзий, да и знакомы они были слишком давно, чтобы идти окольными путями. Просто она в очередной раз объяснилась в любви, вкратце описала кош-

марное положение российского кинематографа – «на «Мосфильме» не то что работы – там просто никого нет, фи-зи-че-ски-и ни-ко-го!!!» – и положила трубку.

Общение с Аленой не слишком сильно подняло Липе настроение, и она, чтобы утешиться, сварила макарон, щедро посыпала их остатками сыра – наверняка Дивуар вопил вчера, учуяв его миазмы, – и решила почитать календарик.

Тот был настроен конструктивно.

«Большинство из ищущих работу граждан присматривают себе нечто, с чем они уже хорошо знакомы. Отсутствие таких вакансий может выбить человека из колеи, огорчить и обескуражить».

«Во – точно так же, как общение с такими же безработными подругами!»

Тут Липа вспомнила, что даже не вынула из сумки отощавшую «Книгу Надежды», дернулась было встать, но решила дочитать очередную инструкцию.

«Однако текущая ситуация, кроме головной боли и материальных хлопот, дает нам всем уникальный шанс – круто изменить жизнь и попробовать проявить себя на новом поприще. Просматривая списки вакансий в специализированных изданиях, не ограничивайтесь рубриками с приглашениями по вашей основной профессии. Не пожалейте времени и просмотрите весь сборник. Что-то перспективное можно найти в совершенно неожиданном месте».

– Да, такую тетрадочку прочитать от корки до корки – са-а-авсем не проблема, – сказала Липа вслух и перевернула листочек. – Главное – времени вагон!

«Например, большой популярностью начинает пользоваться высокооплачиваемая профессия гринкипера», – снисходительно объяснил календарь. – В его обязанности входит поддержание в порядке спортивных полей, в особенности полей для гольфа. Последняя специальность – особенно престижна».

«Во что Кузяне предложить бы!.. Она бы не только газон в порядок привела, но и огурцы по периметру вырастила».

Кузя была заядлая огородница, но предлагать ей такое даже ради шутки было бессмысленно. Все лето она безвылазно, с пожилым отцом в качестве моральной нагрузки, проводила на даче и гринкипила исключительно на своих шести сотках, регулярно присылая Липе эмэм-эски с видом помидоров, зреющих на фоне дюжей крапивы. Крапиву у забора не трогали с коварным умыслом – хоть как-то оградить урожай от дачных воришек.

«Титестера иногда называют чайным сомелье...»

– Ну уж разъяснил так разъяснил! – фыркнула Липа. – Многие знают, кто такой сомелье?! Ты попроще, попроще с народом! Не все же такие умные, как я.

«Дегустатор чая...»

– Вот, уже лучше, – приободрила календарь Липа. – А тити-пити какие-то... Стыдно!

«...может по внешнему виду, запаху, вкусу определить не только сорт чая, но и место его происхождения, сезон сбора и способ обработки».

– А нюх – как у собаки, а глаз – как у орла... Дальше!

«Опытный титестер, как профессиональный парфюмер, хранит в своей памяти несколько тысяч вариантов запахов. Чуткое обоняние и вкус – редкий дар. Эксперт по чаю не курит, не употребляет алкогольные напитки, не пользуется парфюмом, избегает прямой и острой пищи...»

– Так, тоже мимо!

Липе карьера титестера не светила из-за не особенно сильной любви к чаю, а нацелить на подобное занятие, хотя бы временно, Алену тоже не получилось бы – та курила, как все киношники, а чай заваривала такой, что в нем стояла ложка.

– А еще что предложишь, любимый? – нежно спросила Липа.

Ответа она не получила – затренькал мобильный. Звонила Кузя. Она отчиталась о здоровье папы и поведении кота и поинтересовалась Липиными успехами. Липа поняла, что под успехами подразумевается реакция г-на Покойницкого на ее профессиональное атанде.

– Он тебе не звонит? Ничего не предлагает?

– Да ну, не такой же он придурок, чтобы вызывать меня и предлагать тему. Я ж сказала этой его шмаре, что мне не о чем с ним говорить... Они сейчас сидят и переверстывают ранишние свои книжонки. А потом у него просто нет денег заказать что-то новое. Это самое главное. Хотя нет... Самое главное – он думает, я просто ушла... А я громко хлопнула дверью. Но до него просто звук еще не дошел.

– Ага, понятно, – вздохнула Кузя. – А ты когда приедешь? Тишка скучает.

– Да хоть завтра.

«Делать-то все равно особо нечего».

Конечно, можно было продолжить журналистскую карьеру, которая несколько замедлилась за то время, что она пахала на это г-но Покойницкого. Отыскать тему для публикации, наваять зубастую статейку не составляло труда – Липа всегда хвасталась, что может сделать полосу статью из простой лужи в соседнем дворе. Но!.. Все ее знакомые издания понизили тиражи и гонорары, а иные целиком, до лучших времен, ушли в виртуальное пространство и денег не платили вообще. Теперь с такими сотрудничали писючки-юниоры, элементарно набивавшие себе портфолио, или просто старшекласники, готовившиеся поступать на журфак.

«Жур-фак-фак-фак, жур-фак-фак-фак... Да, но можно ведь, как классики далеких, славных, диссидентских времен, поработать «в стол»? Есть ведь нетленные темы, есть! Например, разбабахать дилетантов-переводчиков, искренне считающих, что «комплексн» переводится как «комплексия», хотя на самом деле это – «цвет лица»... Во, правильно! Надо получше собраться с мыслями и...»

Но кворума не получилось – Липа вспомнила, что уже вторая половина дня, а она так и не просмотрела купленный утром справочник. А ведь там могло быть нужное приглашение, которое уже захватили другие, куда как менее компетентные авторы!

– Непростительное легкомыслие! – сказала она своему отражению в зеркале в прихожей. – За это и депремировать можно! На один утренний кофе!

Несчастный полиграфический дистрофик мирно дремал в хозяйственной сумке, свернувшись трубочкой, уверенный, что ему так и дадут умереть спокойно, не подвергнув мучительному выдиранию страниц или тем более вырезанию кусочков маникюрными ноженками.

Стоило ли надеяться, что анемичная книжица одарит Липу щедрыми приглашениями на должность технического писателя в крепкое НПО или копирайтера в рекламное агентство? Вряд ли... Но если верить календарнику, запираяться в узкокорпоративных рамках не разумно.

«На вещи надо смотреть ширше! – размышляла Липа, листая справочник. – Не себе, так Аленке отдам».

Но справочник упорно предлагал торговать, слесарить и распространять страховку. Но он не знал, с кем связался! Одна Липа – это просто Липа! Но у нее был замечательный соратник. А у справочника – нет...

На последних страницах в рубрике «разное» Липа прочла одно приглашение, веря своим глазам еще меньше, чем тогда, когда увидела свои «лучшие опечатки».

«Дегустаторы. 3/н высокая. Вкусовые пробы – жареные семечки...»

«Чего-чего?! Семечки лузгать?! Может, еще сдельно прикажете?! А на дом работку не дадите?»

«Женщины, 25–60 лет, гражданство строго РФ. Тел... Звонить...»

«Да, жизнь настала... Сидят строгие гражданки Рэ-Фэ разного возраста и уровня образования и, сосредоточенно глядя в предлежащее пространство, щелкают подсолнух. Щелк-тьфу, щелк-тьфу... Работенка!.. Интересно, сколько так выдержать можно, пока не надоест?»

Липа вдруг вспомнила, как они с Аленой, по своей ранней молодости, ездили на подработку в один подмосковный совхоз, стонавший под сладким бременем неожиданно большого урожая клубники. По дороге туда они горячо обсуждали, как можно пускать людей на это алое от ягод поле – никто ж ничего не соберет, все сожрут, прямо здесь, на грядках!.. Может, хомуты специальные наденут, как рабам в древности? Или собакам, чтобы не подбирали разную дрянь? Но никаких спецприспособлений на них не надели, а Липа быстро поняла, в чем там была фишка.

Наелась она минут через двадцать – самой спелой, заливавшей руки распаренным на солнце и одуряюще сладким соком, ягодой... Еще через четверть часа она, морщась от оскотины, уже не смотрела на «клубни» как на злейшего врага, которого надо уничтожить там, где его нашла, отнюдь. Теперь она чувствовала себя наемником, эдаким холодным, расчетливым и бездушным охотником за головами, который должен был методично отыскивать и хватать жертвы и, по возможности живыми, передавать заказчику. А уж какая участь ожидает несчастных – это безразлично. Главное, сдать товар и получить деньги. Нет, ягодок они домой принесли тоже изрядно – на вполне законном основании.

Но на варенье, сваренное из них мамой, Липа смогла смотреть только к следующей весне...

«Да, сейчас бы баночка такого не помешала», – вздохнула Липа и решила проведать почтовый ящик.

На площадке она встретила Полуэктову, тоже спускавшуюся за почтой.

– Как у вас дела, Липочка? – ласково спросила соседка.

– Да вот, обдумываю, не пойти ли мне в дегустаторы.

– Вряд ли стоит, Липа. Молодая девушка и спиртное – это... нет.

– А почему вы решили, что обязательно спиртное? – хитро улыбнулась Липа. – Мали ли чего можно дегустировать? Я вот, например, семечки жареные дегустировать буду.

Полуэктова подумала, что Липа шутит, и почему-то обиделась.

– Липа, я серьезно отношусь к вашим проблемам, а вы...

Они уже обе опорожнили свои ящики и поднимались к себе на этаж.

– А я не шучу, Лидьиванна. Правда, работать дегустатором пока не собираюсь, а предложение профессионально лузгать семечки – это серьезно. Своими глазами видела. Зарплату хорошую сулят, да.

Они остановились на площадке.

– А... где? Где вы это видели? – Полуэктова смутилась, зарделась, помолодела и похорошела.

– Да в справочнике по трудоустройству... Зайдете?

– Ну... да. Ненадолго, а то Дивусик один.

Соседка осталась в прихожей, а Липа быстро сходила в комнату, выдрала из болезненно сжавшегося при ее появлении фолианта лист с «другой работой без специальной подготовки» и отнесла его Полуэктовой. Та приняла листик, как многодетная вдова – барскую милостыньку, опустив глаза и прошелестев что-то вроде «благодарствуйте».

– Я верну вам... завтра.

– А не, не надо. Пользуйтесь. Коту Дивуару привет.

Дверь за соседкой затворилась.

– Ну, вот хоть такая от этого анорексика польза, – сказала Липа, включая новости.

«Неужто «старая апээновка» и в самом деле пойдет щелкать подсолнух?! А хоть бы и пошла... Куда ж деваться-то?» – лениво размышляла Липа поздно вечером, заворачиваясь в одеяло.

Утром следующего дня надо было отдать визит Кузе. Та настойчиво приглашала Липу, думая, что безработная подруга голодает и ее надо регулярно подкармливать. А Липа, следуя указаниям своего «источника», решила подкорректировать вес – экономя если не на качестве еды, то хоть на ее количестве. Кроме того, будущим летом можно было бы надевать отложенные по причине увеличения параметров ненадежные вещи – Липа одно время страдала острой каталожной зависимостью, то есть заказывала всякую дамскую всячину по каталогам. Косметика, та, понятно, использовалась в режиме реального времени, а вот миленькие, всепогодные и внемодные свитерочки и маечки, только раз померенные, были теперь маловаты. Так что обжираться за счет Кузи, дяди Бори и Тишки было не только аморально, но и не вписывалось в Липину антикризисную политику.

– Мне только чаю! – предупредила Липа, но время было обеденное, и пришлось есть «курицу в пеленке» и холодную свеклу.

– А что этот твой Покойницкий? – осторожно поинтересовалась Кузя.

– Во-первых, он не мой, а во-вторых, дело еще не закрутилось. Так что я время от времени сучу ногами от предвкушения его будущих бед и несчастий.

– А много он тебе должен остался?

– Да сколько бы ни должен – этих денег мне все равно не видать. Мне главное нервы ему помотать в охотку. Шуршики-то я и в другом месте сшибу, а нервы у него не восстановятся.

– Жестоко ты его...

– За что боролся, Кузик. Жалко только, если это на девчонках, что там остались, отразится. Они меня шибко уважали. Место, конечно, незавидное, это его предприятие, но, по нашей ситуации, если его разгонят или заморочат штрафами – они тоже ни при чем останутся.

– А что эти девчонки говорят?

– Пока тихо. Никто не приходил, никуда, вроде его не вызывали. Ждем-с! Да ну его, этого лысого!

– А он лысый! – Кузя собрала со стола тарелки и принялась их мыть.

– Ага. Лоб челочкой прикрывает – думает, никто не заметит.

– А эта его... помощница? Она кто ему?

– По моему дамскому соображению, она для него – форменный ПМС.

– Как это? – удивилась Кузя, снимая передник. – Откуда у мужика-то?! Или это?... Не понимаю.

Кузя была явно обескуражена.

– ПМС в данном случае, дорогая подруга, – это «Памятью Моей Стала». У Покойницкого объем памяти на жестком диске по нулям, так что она у него как бы за флешку. А еще – он даже самых простеньких моих каламбуров не понимал, так она ему меня переводила. Типа «блю туса» для сопряжения с внешним миром. Представляешь? Он мне как-то предложил написать – полностью, одной, – «Энциклопедию очищения организма».

– А ты что? Отказалась?

– Да нет... Тема мне близкая. Я как-то для «Качества жизни и профилактики» такую оду клизме наваяла – вся редакция выла, сучила ногами и по полу каталась! Ага – «Крепкий запор нужен только воротам» называлась. Публика благодарственными письмами редакцию завалила...

– Ну да, я чё-то помню... Бабули на скамеечке обсуждали.

– Да... Но я ему сказала – таких книг сейчас в продаже миллион. Имена раскрученные. Можем попасть в затоваривание. А он как заведенный: «Мне Юра Рыгало...»

– Кто что делал?! – ужаснулась Кузя оборачиваясь от столика, на котором свежевала торт.

– Юра Рыгало... Фамилие такой – Ры-га-ло, Юрий Владимирович. Гендиректор того издательства, для которого они книжки стряпают. Так вот, этот Юра Рыгало якобы сказал, что сразу берет у него эту клизму критицизма и сразу издает тиражом в пятьдесят тысяч экзем-

пляров. Ну, это еще до кризиса было. Может, отказался сейчас от этих планов... А тогда я ему даже концепцию изготовила – так он рот закрыть не мог.

– А потом? Это он за эту... клизму тоже не заплатил?

– Не, я к ней даже не приступала... Кузя, зачем ты столько нарезала? Гостей ждем?

– Ну, папа еще поест.

– Ага, котка еще пригласи крему полизать... Так вот, сделала я эту концепцию, он повосторгался и замолчал. А потом, через месяц, опять – ах, Рыгало, ах, пятьдесят тысяч, ах, срочно!.. Я ему – так говорили уже, а он – как! Мне эта идея недавно в голову пришла! В конце концов, я сама нашла тот файл на его компьютере, а он смотрит на него как баран на новые ворота и бормочет: «Когда это было, когда это было... я не помню... я этого не заказывал... когда это было?..» Я говорю – одиннадцатого февраля... Ну ладно, опять поговорили и опять забыли, а через месяц он снова-здорово – Рыгало хочет пятьдесят тысяч клизм оптом!

– Что, так плохо с головой у него? – Кузя сидела напротив, подперев рыжую голову и с сочувствием рассматривала Липу.

– Да уж, неважно. Надо было мне тогда настрожиться! А я со своей неизбывной верой в человеческую порядочность и ум...

– Ага, знакомая ситуация. И чего на тот раз?

– Ну, нашли тот файл... А Покойницкий опять тупо гоняет его по экрану «мышкой» и бубнит как заведенный: «Я не помню, не помню... когда это было... не помню, я этого вам не говорил...» А эта его пешка-флешка рядом сидит и ласково так – говорил, говорил... Я тогда поняла, зачем он ее каждый раз зовет – он без нее просто ничего потом не вспомнит.

– А эта книжка про клизму?

– Идея так и осталась нереализованной.

– Жаль... Идея хорошая.

– Но у него же этот файл остался, а? Так что в любой удобный момент он может им воспользоваться. И за-бес-плат-но!

– Разве так можно? – огорчилась Кузя.

– Нельзя. Но кто это проверять станет? Да знаешь – я к плагиату спокойно отношусь, особенно когда мои идеи воруют. Человеку кажется, что моя блестящая идея его обогатит. Но блестящей идее нужно блестящее воплощение. А с этим закономерно могут возникнуть проблемы... С моей идеей полноценно справлюсь только я сама... Ладно об этом, а? Когда покатит – я тебе скажу.

Они еще долго пили чай с шоколадным тортом – Кузя знала, что Липа равнодушна к шоколаду.

Домой Липа возвратилась поздно – только-только отследить, как работает РДГ. Но отважный джигит явно не ловил мышей и репортажей в столицу не присылал.

Утро было такое серо-сизо-темное, что Липа, проснувшись, подумала, что, должно быть, совсем рано. Но зеленый глазок видюшника показывал десятый час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.